

Чу Юй извивался, пытаясь увернуться, и, смущённо улыбаясь, отнекивался:

— Босс, я вам всё оближу, я мастер в этом!

— Не называй меня боссом, — Сун Цзиньчэнь подумал, что тот стесняется, и продолжил спокойно раздевать его.

Чу Юй не решался сопротивляться слишком активно, отшучиваясь:

— А как тогда называть?

— Господин, муж, Папочка, называй как хочешь.

Муж? Папочка? Только первый вариант звучал нормально. Чу Юй не был тем, кто стеснялся грубостей, но всё равно покраснел, продолжая мешать рукам, развязывающим его пояс, и льстиво улыбался:

— Какой вариант боссу больше нравится, так и буду называть.

Сун Цзиньчэнь, к удивлению, не разозлился на его забывчивость, а лишь усмехнулся, щипнув его за щеку:

— Назови меня Папочкой, и получишь всё, что захочешь.

Чу Юй, понимая, что лучше быть умным, решил действовать быстро:

— Папочка...

Не успел он выжать из себя соблазнительную улыбку, как Сун Цзиньчэнь уже стащил с него пижамные штаны, и его ладонь скользнула между ног. Чу Юй почувствовал, как кровь ударила в голову, а сердце заколотилось в горле. В самый разгар эротического момента он со всей силы ударил Сун Цзиньчэня в скулу.

Сун Цзиньчэнь, который никак не ожидал такого поворота, застыл в удивлении, слегка отклонив голову, и лизнул внутреннюю часть щеки, почувствовав вкус железа.

Интересно.

Он повернул голову и увидел, как Чу Юй, придерживая полураздетую пижаму, забился в угол кровати, словно готовый скорее умереть, чем сдаться. Этот мелкий мерзавец всю ночь вёл себя тихо, даже назвал его Папочкой, а теперь вдруг взбесился?

— Иди сюда, — прошипел Сун Цзиньчэнь, чувствуя холодок в груди.

— Нет, — Чу Юй мотал головой, запутавшись в словах. — Нет, я не... Босс, я вам всё оближу... Я вам оближу... Ах!

Сун Цзиньчэнь не стал слушать, резко схватил его за лодыжку и потянул к себе, затем схватил разрезанную ленту у подушки и связал его руки, прикрепив их к железным прутьям кровати. Чу Юй кричал и отчаянно сопротивлялся, изо всех сил пинаясь ногами в сторону Сун Цзиньчэня.

— Отпусти меня! Отпусти! — Чу Юй яростно извивался, слёзы и пот разлетались в стороны, его тело было мокрым от пота. — Нет! Нельзя... Ты не можешь... Отпусти меня!

Сун Цзиньчэнь ловко дал ему пощёчину, заставив замолчать. Ноги Чу Юя были прижаты коленями мужчины, и снова появились ножницы, которые быстро разрезали последний слой одежды, открывая новый, прекрасный мир.

Даже такой опытный человек, как Сун Цзиньчэнь, не смог сдержать удивления. Между ног Чу Юя виднелся розовый бугорок, а под влажными волосами была чудесная щель. Его пенис был размером с палец, а мошонка отсутствовала. Когда пенис свисал, можно было подумать, что выпуклая часть позади — это мошонка.

Вчера вечером Сун Цзиньчэнь трогал его ягодицы, думая, что эта мягкая выпуклость — его яйца, и даже сжал их несколько раз, но тогда не почувствовал, что внутри есть что-то ещё.

Алкоголь — зло. Неудивительно, что он вёл себя так странно, оказывается, он был секретной двуполой сущностью.

Сун Цзиньчэнь мысленно ударил себя по бедру, наклонился и большим пальцем раздвинул толстые половые губы. Внутри всё было на месте, клитор, как жемчужина, прятался внутри, а узкое отверстие, в которое не смог бы войти даже палец, источало кисловатый запах, характерный для женщин.

Довольно красивая киска, да и характер боевой, очень интересно. Это стоило того, чтобы обсудить с тем клубом вчерашнего вечера.

Он почувствовал лёгкий запах мочи и подумал: «Неужели он девственник?»

— Ты девственник? — спросил Сун Цзиньчэнь.

Чу Юй уже охрип, только бормотал:

— Я убью тебя... Убью...

Сун Цзиньчэнь раздвинул его половые губы и сильно лизнул клитор. Чу Юй дёрнулся, как от

удара током, и с испуганным и растерянным взглядом уставился на мужчину, склонившегося между его ног. Сун Цзиньчэнь поднял голову, повторяя вопрос.

— Да... — Чу Юй моргнул, слёзы снова потекли по его лицу, чувство стыда сковывало всё его тело. Он никогда раньше не трогал это место, даже упоминать о нём было стыдно, но оно было таким чувствительным, что даже трение о простыню вызывало выделения. Незнакомое удовольствие смывало последние остатки его самоуважения.

Сун Цзиньчэнь протянул руку и вытер слезу, висевшую на подбородке Чу Юя. Тот резко дёрнул головой и крепко укусил его за палец.

— Отпусти, — Сун Цзиньчэнь не отводил взгляда, глядя прямо на него. Секрет укрощения зверя — смотреть ему в глаза, чтобы он понял, что его угрозы бесполезны, и только покорность принесёт пользу.

Чу Юй не мог пошевелиться, только смотрел на Сун Цзиньчэня злобным взглядом своих красивых глаз.

Его глаза были настолько выразительными, что казались чёрными и блестящими, а когда он злился, это действительно пугало. Но сейчас ситуация была не в его пользу, и никого не напугаешь, зато было очень забавно его дразнить.

Два пальца мужчины проникли в его половую щель, сжали клитор и начали тереть. Удовольствие, смешанное с кошмаром, накатило на него, и в одно мгновение Чу Юй побледнел, разжал рот и закричал в панике:

— Нет... Нет...

Сун Цзиньчэнь игнорировал его мольбы, раздвинул плотные половые губы и медленно, но неумолимо ввёл смоченный слюной палец. Чу Юй обливался потом, боль была как натянутая струна, тупая и острая одновременно. Затем тупой угол пронзил его, палец Сун Цзиньчэня разорвал маленькое отверстие в плёнке и дошёл до конца, нащупав шейку матки.

— Ах... Ах... — Чу Юй сдался, его грудь начала подниматься и опускаться, горячие слёзы снова потекли по его лицу, он стиснул зубы.

— Ты сверху больше течёшь, чем снизу, — Сун Цзиньчэнь медленно вытащил палец, на котором висела тонкая струйка крови. Действительно, девственник.

Чу Юя развязали, но он лежал, как мёртвый. Сун Цзиньчэнь нежно поцеловал покрасневшую кожу на его запястье и спросил:

— Забыл спросить, как тебя зовут?

Чу Юй даже не повернул головы, застыв, как стеклянная статуэтка.

— Ладно, — Сун Цзиньчэнь вздохнул, словно проявляя снисхождение, и громко поцеловал его потную ладонь. — Что ты хочешь? Деньги? Кольцо? Тебе нравятся машины?

Чу Юй наконец ожил, вздохнул, отвернулся, вытер глаза тыльной стороной руки и выдохнул:

— Двадцать тысяч.

Бедняга оказался таким легковверным, что даже после такого унижения не смог запросить больше.

Сун Цзиньчэнь рассмеялся, услышав его запрос. Двадцать тысяч? Даже если бы он попросил два миллиона, это не стало бы для него неожиданностью.

Сдерживая смех, он торжественно выписал чек, но Чу Юй швырнул его, сказав, что не дурак, он знает, что чек нужно обналичивать в банке, и это оставит след. Сун Цзиньчэнь, видимо, хотел его подловить, поэтому пришлось заменить чек на наличные.

Чу Юй, сгорбившись, с двумя пачками новых купюр, старался держаться гордо, направляясь в ванную.

— Зачем ты берёшь деньги с собой? — спросил Сун Цзиньчэнь, видя, что тот не собирается оставлять их. — Я же не заберу их обратно.

Боль внизу тела напоминала о том, что сделка завершена, и больше не нужно раболепствовать перед этим мужчиной. Если бы Чу Юй был на пару лет старше, он бы не был так безрассуден. Он фыркнул с ненавистью:

— Не твоё дело.

Он вошёл в ванную и нарочно опрокидывал баночки и бутылки, выпуская злость.

Сун Цзиньчэню было тридцать шесть лет, и он оттягивал кризис среднего возраста с помощью настоящих денег. У него было много любовников, как мужчин, так и женщин, но их неуверенность и страх всегда напоминали ему, что они боятся его, боятся, что одна ошибка приведёт к падению с высоты. Этот страх не приносил Сун Цзиньчэню чувства власти, а только напоминал, что он уже достиг того возраста, когда нужно быть хитрым и расчётливым.

Поэтому, слушая, как Чу Юй швыряет вещи в ванной, Сун Цзиньчэнь чувствовал себя удивлённым. Эта прямолинейность и нежелание скрывать свои чувства, как у игривого котёнка, было очень забавно.

Сун Цзиньчэнь с хорошим настроением вышел из дома и, как только приехал в офис, получил звонок от домработницы, которая сообщила, что Чу Юй сбежал, и она не смогла его остановить. Он отказался от предложения поехать с водителем, упрямый до ужаса.

<http://bllate.org/book/15448/1370451>